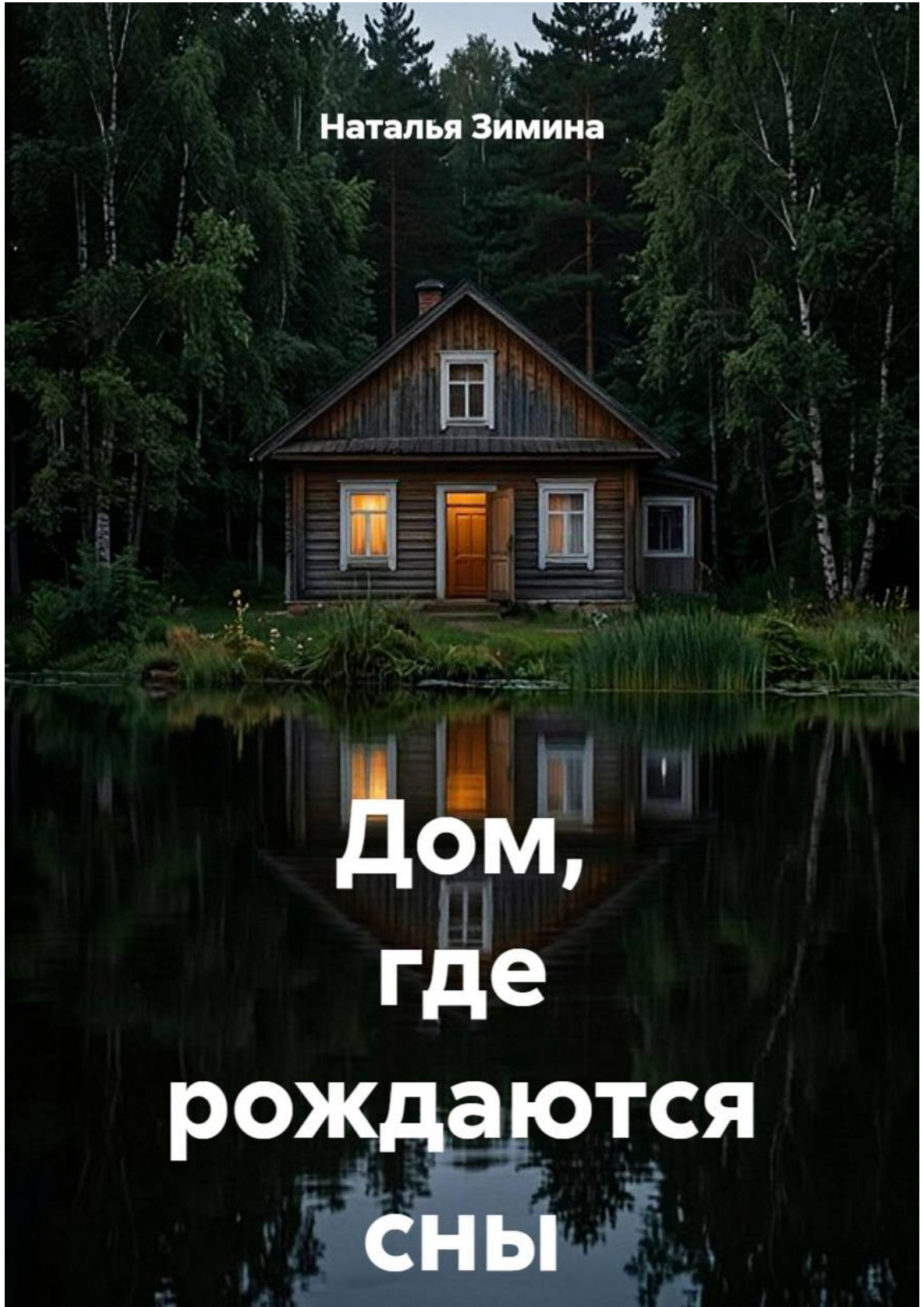

Наталья Зимина
Дом, где рождаются сны

Наталья Зимина

Дом, где рождаются сны

«Автор»
2026

Зимина Н. Ю.

Дом, где рождаются сны / Н. Ю. Зимина — «Автор», 2026

В доме на берегу озера двери иногда открываются сами, а стены помнят тех, кто в них стучался. Здесь жили три поколения женщин, и каждая знала: этот дом умеет слушать. Он приносит на подоконник связанные за ночь салфетки, варит кофе, когда кому-то больно, и пишет сны — чужие, странные, которые иногда сбываются.Когда Соня возвращается после двадцати лет отсутствия, чтобы продать дом, она обнаруживает, что дом не собирается её отпускать. И что сны, которые здесь рождаются, — это не просто сны. Это способ дома сказать: «Останься».Магический реализм о доме, который любит, и о семье, которую он держит.

© Зимина Н. Ю., 2026
© Автор, 2026

Наталья Зимина
Дом, где рождаются сны

ГЛАВА 1. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Дом стоял там, где кончалась дорога и начиналось озеро. Три этажа, деревянная веранда, башенка на крыше, которую дед построил для телескопа, а бабушка — для того, чтобы сидеть там и смотреть, как её жизнь проходит внизу, под ногами, как поезда по мосту. Дом был старый. Старый — не в годах, а в памяти: стены держали запахи, полы помнили шаги, окна — все отражения, которые когда-либо в них смотрелись.

Соня вернулась в марте, чтобы продать его. Двадцать лет не была — с тех пор как уехала в шестнадцать, хлопнув дверью так, что в гостиной упала люстра. Люстру так и не повесили обратно; она лежала на чердаке в коробке из-под новогодних игрушек.

— Здравствуй, — сказала Соня дому. Она всегда говорила с ним — не потому что верила, что он слышит, а потому что иначе было страшно.

Дверь открылась сама. Не скрипнула — просто открылась, как будто кто-то стоял с той стороны и ждал.

ГЛАВА 2. БАБУШКА

Бабушка умерла три года назад. Соня не приехала на похороны — не смогла. Мать приехала, закрыла дом, увезла ключи в город и больше сюда не возвращалась. «Там плохо, — сказала она. — Там не только воспоминания. Там что-то ещё».

Соня вошла. Внутри пахло так же, как двадцать лет назад: сушёными травами, ванилью и озером. В прихожей висело зеркало — то самое, в котором она в детстве видела не своё отражение, а чужое: женщину, которая смотрела на неё с терпением, как будто ждала.

— Бабушка? — спросила Соня.

В зеркале мелькнуло — не отражение, не тень. Что-то, что было здесь раньше неё и останется после.

ГЛАВА 3. БАБУШКИНА КНИГА

На кухне, под подоконником, лежала книга — толстая, в кожаном переплёте, с закладкой из высушенной полыни. Соня помнила её с детства: бабушка называла её «сонник», но это был не сонник из тех, что продаются на вокзалах. Это был дневник — но не обычный. Бабушка записывала в него сны. Не свои — чужие. Сны, которые «родились в доме».

«14 мая 1962. Женщина в синем платке искала в озере отражение. Нашла — но отражение было старше её на двадцать лет. Записала, потому что через неделю эту женщину видели в городе: она постарела за ночь.»

«3 сентября 1978. Мальчик летел над лесом и видел сверху все деревья одновременно. Проснулся — и рассказал, где в лесу растёт каждая грибница. Нашли двенадцать новых мест.»

«22 декабря 1985. Я видела войну. Не нашу — другую, старую. Солдаты шли по льду, и лёд трещал. Проснулась — и услышала треск на озере. Пошла — и увидела: лёд действительно треснул, в декабре, в минус двадцать. Совпадение? Может быть. Но я записала.»

Соня листала страницы — бабушкин почерк, аккуратный, учительский. Записи шли с 1954 по 2019 год. Шестьдесят пять лет наблюдений за снами, которые рождались в стенах этого дома.

Последняя запись была от 3 марта 2019 года — за две недели до бабушкиной смерти: «Соня вернётся. Я это видела. Она будет злиться на дом, захочет продать. Но дом её не отпустит. Как не отпустил меня. Как не отпустил никого из нас. Мы не владельцы этого места — мы его сны. Оно нас видит и запоминает.»

ГЛАВА 4. ПРАБАБУШКА

Прабабушка Анна — та, что на фотографии 1946 года, в ситцевом платье, с косой через плечо — была первой, кто понял: дом живой. Не в переносном смысле — в прямом: дом дышал, чувствовал, реагировал.

Прадед строил дом из брёвен, которые привозил с северной стороны озера. «С северной — потому что там деревья крепче: холод закаляет». Анна помогала: подавала инструменты, варила обед, держала уровень. А по ночам — разговаривала с домом.

«Я сказала ему: если будешь нас любить — мы останемся. Если будешь душить — уйдём. Он понял. С тех пор — не душил. Но и не отпускал».

Анна прожила в доме пятьдесят лет. Родила троих: дочь (бабушкину мать), сына (погиб на войне — не Великой, а той, что раньше), и ещё одну дочь (умерла в младенчестве — дом оплакивал её три дня: стены стонали, окна дрожали).

Когда Анна умерла, дом погас: окна потемнели, двери перестали открываться сами, печь не разгоралась. Семья думала — конец. Но через сорок дней дом «очнулся»: сначала — запах кофе (Анна варила кофе каждое утро), потом — скрип половицы у кухни (Анна ходила именно так), потом — всё остальное.

«Дом не умирает, — написала Анна в дневнике (том самом, с фабричной надписью). — Дом — ждёт. Ждёт следующего, кто будет слушать».

ГЛАВА 5. ПРАДЕД. ЧЕРТЁЖНИК

Прадед Пётр — тот, что на фотографии 1946 года в военной форме — был архитектором. Не по образованию (закончил всего два курса строительного техникума). По призванию: видел форму там, где другие видели хаос.

Он вернулся с войны в сорок шестом — без левой руки (осталась под Ржевом), с осколком в плече и «контузией» (как писали в документах) или «трещиной в голове» (как говорил он). И первое, что он сделал — купил землю у озера.

— Зачем? — спросила прабабушка Анна.

— Здесь будет дом. — Он показал рукой (правой — левой не было). — Вот здесь — веранда. Здесь — кухня. Здесь — башенка. Для телескопа.

— Для телескопа?

— Я хочу смотреть на звёзды. После того, что я видел, — только звёзды дают надежду.

Он строил дом три года. Однорукому плотнику это — подвиг: каждый гвоздь, каждый пропил, каждый замер — правой рукой. Анна помогала: держала, подавала, поддерживала. А дом — рос.

— Он живой, — сказал Пётр однажды, кладя последнее бревно. — Чувствуешь?

— Чувствую.

— Он будет любить нас. Всегда. Пока стоит.

Пётр умер в семьдесят третьем — рак лёгких (дым, фронт, ненависть). Дом оплакивал его неделю: стены стонали, окна дрожали, печь не разгоралась. Потом — затих. И ждал. Ждал следующего, кто будет слушать.

ГЛАВА 6. ДЕТСТВО СОНИ

Соня родилась в этом доме — не в роддоме, а здесь, на втором этаже, в комнате с жёлтыми обоями. Бабушка принимала роды (она была фельдшером до того, как стать «ведуньей»). Мать — двадцати трёх лет, первородка — кричала так, что со стены упала картина.

Дом реагировал: печь разгорелась сама (в июле!), окна распахнулись (в январе!), а в башенке — той самой, с телескопом — засветился свет, хотя электричества туда не было проведено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.